Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-293-300

ДОРСКАЯ Александра Андреевна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», профессор кафедры международного права ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», SPIN-код: 9965-3211, AuthorID: 314268, e-mail: adorskaya@yandex.ru

ТАПАНАЙНЕН Константин Александрович,

студент 4 курса бакалавриата факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридического факультета) Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», e-mail: ktapanainen@yandex.ru

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В АНТИМОНОПОЛЬНОМ ПРАВЕ ЕАЭС

Аннотация. *В статье исследуется проблема квалификационной неопределенности корпоративных совместных предприятий в антимонопольном праве Евразийского экономического союза. Авторы обосновывают, что двойственная правовая природа корпоративного совместного предприятия, которая выражается одновременно в структурном изменении рынка и соглашении между материнскими компаниями, порождает принципиальный вопрос о применимом режиме антимонопольного контроля, который право ЕАЭС оставляет без нормативно закрепленного ответа. Показано, что отсутствие квалификационного критерия ограничивает эффективность как режима контроля за экономической концентрацией, так и режима допустимости соглашений о совместной деятельности. В рамках исследования проанализировано решение, выработанное в конкурентном праве Европейского союза и установившее критерий «полнофункциональности». На основе проведенного анализа сформулированы три предложения de lege ferenda, которые направлены на устранение выявленных структурных дефектов антимонопольного права ЕАЭС в соответствии с действующей моделью распределения компетенций между Евразийской экономической комиссией и национальными антимонопольными органами государств-членов.*

Ключевые слова: *совместное предприятие, антимонопольное право ЕАЭС, квалификация совместного предприятия, экономическая концентрация, контроль за концентрацией, соглашение о совместной деятельности, критерий полнофункциональности, Протокол №19, конкурентное право ЕС.*

DORSKAYA Aleksandra Andreevna,

Doctor in Law, Professor, Head of the Department of Theoretical Legal Disciplines of North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Professor at the Department of International Law of Herzen University

TAPANAYNEN Konstantin Aleksandrovich,

4th year bachelor's student of the faculty of training specialists for the judicial system (law faculty) of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

THE PROBLEM OF CLASSIFYING CORPORATE JOINT VENTURES IN THE ANTITRUST LAW OF THE EAEU

Annotation. *The article examines the problem of qualification uncertainty of corporate joint ventures in the antitrust law of the Eurasian Economic Union. The authors argue that the dual legal*

nature of corporate joint ventures, which is expressed simultaneously in structural changes in the market and agreements between parent companies, raises a fundamental question about the applicable antitrust control regime, which EAEU law leaves without a normative answer. It is shown that the absence of a qualification criterion limits the effectiveness of both the regime for controlling economic concentration and the regime for the admissibility of joint activity agreements. The study analyzes the decision developed in European Union competition law, which established the criterion of «full functionality». Based on the analysis, three proposals de lege ferenda are formulated, which are aimed at eliminating the identified structural defects of the EAEU antitrust law in accordance with the current model of distribution of competences between the Eurasian Economic Commission and the national antitrust authorities of the member states.

Key words: *joint venture, EAEU antitrust law, joint venture classification, economic concentration, concentration control, joint activity agreement, full-functionality criterion, Protocol №19, EU competition law.*

Совместные предприятия (далее – СП), являясь одной из наиболее эффективных форм трансграничного корпоративного сотрудничества, играют ключевую роль в углублении экономической интеграции Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС/Союз). По данным Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), объем накопленных взаимных прямых инвестиций в государствах-членах ЕАЭС за 2022-2024 годы увеличился на 16% [10]. Такая динамика служит важным косвенным индикатором роста активности совместного предпринимательства в регионе. Так, например, в Республике Казахстан по состоянию на начало 2022 года действовало 14 246 совместных предприятий с участием иностранного капитала из стран ЕАЭС, что в 2,4 раза больше, чем в 2015 году [3, с. 131]. Кроме того, в 2024-2025 годах ЕЭК через механизм финансовой поддержки промышленной кооперации одобрила 5 крупных совместных проектов с участием предприятий государств-членов Союза и рассматривает еще 16 заявок [11].

Вместе с тем право ЕАЭС не содержит ответа на вопрос, который логически предшествует любому антимонопольному анализу СП, – к какому правовому режиму оно относится? Создание корпоративного СП, то есть совместного предприятия в форме отдельного юридического лица, может быть квалифицировано либо как экономическая концентрация, требующая структурного контроля, либо как соглашение о совместной деятельности, подпадающее под режим допустимости. Правовые последствия двух квалификаций принципиально различны: разные компетентные органы, разные процедуры проверки. Однако инструмента, позволяющего провести это разграничение заблаговременно, в праве ЕАЭС не существует.

В российской правовой доктрине проблема квалификационной неопределенности при антимонопольном контроле совместных предприятий в праве ЕАЭС изучена недостаточно глубоко и системно. Хотя отдельные аспекты разграничения компетенций между ЕЭК и национальными антимонопольными органами, а также аспекты соотношения национального и наднационального регулирования конкуренции рассмотрены в работах Дьяченко Е.Б. и Энтина К.В. [4, с. 66; 5, с. 182], эти исследования сосредоточены преимущественно на применении принципа ne bis in idem и праве государств устанавливать дополнительные критерии допустимости соглашений и не затрагивают непосредственно проблему квалификации корпоративного совместного предприятия. В этой связи цель нашего исследования – выявить природу и последствия квалификационной неопределенности корпоративного СП в праве ЕАЭС, показать, как аналогичная проблема была решена в праве Европейского союза (далее – ЕС) и сформулировать предложения de lege ferenda.

Понятие «совместное предприятие» имеет экономическое происхождение и не является самостоятельной организационно-правовой формой юридических лиц. В деловой и правовой практике под этим понятием понимается «объединение лиц, которые в соответствии с контрактом согласились осуществлять совместную деятельность в целях извлечения прибыли путем объединения соответствующих ресурсов» [9, с. 388].

С точки зрения антимонопольного права принципиальное значение имеет то, что СП сочетает в себе черты двух различных объектов контроля. С одной стороны, создание корпоративного СП, то есть нового юридического лица, которым совместно управляют материнские компании, влечет за собой постоянное изменение рыночной структуры: на рынке возникает новый субъект с собственными активами. То есть функционально это неотличимо от классических сделок слияния и поглощения и требует структурного контроля за экономической концентрацией, направленного на предотвращение долгосрочного ущерба

конкурентной среде [1, с. 192]. С другой стороны, то же самое СП создается путем заключения соглашения между материнскими компаниями, которые не утрачивают свою самостоятельность, а лишь начинают координировать свое поведение через новую структуру. С этой точки зрения создание СП можно представить как механизм потенциальной координации деятельности конкурирующих субъектов на рынке, который требует оценки в рамках запрета антиконкурентных соглашений [1, с. 140].

Именно в этой двойственности и заключается суть квалификационной проблемы. К одному и тому же СП имеются равные основания для применения и структурного контроля за концентрацией и поведенческого контроля за соглашениями. Если правовой порядок того или иного государства или интеграционного объединения не предоставляет инструмента для разграничения этих режимов при квалификации корпоративных СП, то участники рынка не будут заранее уверены, какой их них будут применен, а правоприменитель будет вынужден решать этот вопрос ad hoc уже после совершения сделки. Так антимонопольное право теряет свою превентивную функцию.

Конкурентное право ЕС прошло путь от этой квалификационной неопределенности к системному подходу, который ее устранил. В 1989 году был принят Регламент Совета ЕЭС №4064/89 о контроле за концентрациями между хозяйствующими субъектами, п. 2 ст. 3 которого закрепил, что концентрация имеет место только при создании СП, которое «на постоянной основе выполняет все функции автономного экономического субъекта и не приводит к координации конкурентного поведения сторон между собой или между ними и совместным предприятием» [12]. Выпущенное в 1994 году Уведомление Комиссии 94/С 385/1 ввело на основании первой части этого положения критерий «полнофункциональности», но при этом установило деление СП на «концентративные» и «кооперативные» [13]. Первые квалифицировались как концентрации и подпадали под предварительный контроль Еврокомиссии, вторые оценивались в рамках ст. 85 Договора о ЕЭС (ныне ст. 101 ДФЕС) как потенциально антиконкурентные соглашения [14]. Однако на практике граница между двумя категориями оказалось нестабильной, что приводило к искусственному структурированию сделок участниками рынка для попадания в нужную категорию [8, с. 10].

Реформа конца 1990-х – начала 2000-х годов завершилась принятием нового Регламента Совета ЕС №139/2004 о контроле за концентрациями между хозяйствующими субъектами (далее – Регламент 2004 г.), в п. 4 ст. 3 которого больше не было дополнительного условия об отсутствии координации поведения сторон, а остался исключительно критерий «полнофункциональности» [15]. Тем самым один нормативно закрепленный критерий заменил спорную классификацию, установив единую точку разграничения двух режимов.

Детализацию критерия «полнофункциональности» содержит Консолидированное уведомление Комиссии ЕС 2008/С 95/01 (далее – Уведомление 2008 г.) [16]. Согласно пп. 94-103 Уведомления 2008 г., СП признается полнофункциональным при одновременном соблюдении четырех условий: наличие достаточных ресурсов для самостоятельной деятельности на рынке (активов, персонала, финансирования, независимых управленческих структур; выход деятельности за рамки вспомогательных функций по обслуживанию материнских компаний и полноценное участие в рынке; ограниченная зависимость от продаж материнским компаниям или закупок у них (как правило, не более 50% оборота на постоянной основе, с допустимым переходным периодом до трех лет); осуществление деятельности на постоянной, а не на временной проектной основе.

В решении по делу С-248/16 от 7 сентября 2017 года «Австрия Асфальт» Суд ЕС подтвердил и уточнил сферу применения критерия. Согласно решению в рамках судебного разбирательства между компаниями Austria Asphalt GmbH & Co OG («Австрия Асфальт») и Bundeskartellanwalt (Федеральным прокурором по делам о картельных сговорах) по делу о предполагаемой концентрации рынка, переход от единоличного контроля над существующим предприятием к совместному также образует концентрацию только при условии «полнофункциональности» возникающего СП [17]. Это решение устранило остаточную неопределённость относительно ситуаций смены контроля и окончательно утвердило «полнофункциональность» как единственный квалификационный порог для СП в праве ЕС. Для «неполнофункциональных» совместных предприятий (термин «неполнофункциональный» вытекает из отрицания критериев «полнофункциональности» и носит доктринальный характер), действует режим ст. 101 ДФЕС с системой блоковых регламентов об изъятиях, обеспечивающих презумпцию допустимости для целых категорий так называемых горизонтальных соглашений [18].

Практическое значение этих критериев состоит в том, что они позволяют участникам рынка произвести квалификацию до совершения сделки. Они могут самостоятельно оценить, будет

ли создаваемое ими СП считаться концентрацией или нет, и, исходя из этого, определить применимые процедурные требования. Критерий «полнофункциональности» обеспечивает правовую определенность без вмешательства регулятора на стадии планирования.

ЕАЭС представляет собой интеграционное объединение, в котором государства-члены передали ЕЭК часть своих компетенций в строго определенных сферах [6, с. 244; 2, с. 15]. В сфере конкуренции разграничение компетенции выглядит следующим образом. Статья 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС) устанавливает общие правила конкуренции и среди прочего в п. 3 вводит запрет на антиконкурентные соглашения между хозяйствующими субъектами. Согласно п. 7 ст. 76 Договора о ЕАЭС и п. 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение №19 к Договору о ЕАЭС, далее – Протокол №19) ЕЭК вправе пресекать нарушения этих правил только если они оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках. Отнесение конкретного рынка к категории трансграничных осуществляется в соответствии с Критериями отнесения рынка к трансграничному, утвержденными Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года №29 (далее – Критерии) [19]. Согласно Критериям, рынок признается трансграничным, если границы такого рынка охватывают территории двух и более государств-членов. В 2018 году Суд ЕАЭС в консультативном заключении от 17.12.2018 N СЕ-2-2/6-18-БК по запросу самой ЕЭК разъяснил порядок применения указанных Критериев и подтвердил, что компетенция Комиссии по пресечению нарушения общих правил конкуренции возникает только при установлении негативного влияния на конкуренцию на трансграничном рынке, «географические границы которого охватывают территории двух и более государств-членов» [20]. Контроль за экономической концентрацией отнесен п. 4 ст. 75 Договора о ЕАЭС к исключительной компетенции национальных органов и в Протоколе №19 не регламентирован.

Понятие «совместное предприятие» отсутствует как в ст. 2 Договора о ЕАЭС, так и в п. 2 Протокола №19. Нормы, которая разграничивала бы корпоративное СП как концентрацию и как антиконкурентное соглашение нет. Из этого следует, что оба режима формально применимы к одному и тому же объекту антимонопольного контроля одновременно, и поэтому оба функционируют с существенными ограничениями эффективности.

Режим контроля за концентрацией дробится по национальным юрисдикциям без единого квалификационного критерия применительно к СП. При создании корпоративного СП с участием субъектов из разных государств-членов ЕАЭС каждый из национальных органов применяет собственные пороговые правила. Например, в Российской Федерации ФАС России осуществляет предварительный контроль на основании ст. 27-28 Федерального закона от 26 июля 2006 года №135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции). Исходя из п. 4 ч. 1 ст. 27 Закона о защите конкуренции согласованию подлежит в том числе создание коммерческой организации несколькими учредителями при превышении установленных пороговых значений по суммарной стоимости активов или выручке группы лиц. При этом никаких критериев, подобных европейским, российский закон не содержит.

Примечательно, что даже в Разъяснениях ФАС России от 11 июня 2021 года №19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (далее – Разъяснения) вопрос о функциональной природе создаваемой структуры не поставлен. Подпункт 2 п. 2 раздела I Разъяснений подробно раскрывает критерии применения ст. 27 Закона о защите конкуренции (понятие контроля, виды приобретаемых прав), однако ни один из его разделов не содержит положение, которое устанавливает, в каких случаях создаваемое СП будет являться концентрацией по существу. То есть прямого аналога критерия «полнофункциональности» ни в Законе о защите конкуренции, ни в Разъяснениях не закреплено. Следствием является то, что любое создание юридического лица несколькими учредителями, превышающее пороговые значения, формально подпадает под нормы об экономической концентрации, вне зависимости от того, становится ли новая структура самостоятельным рыночным субъектом или остается вспомогательным механизмом обслуживания материнских компаний.

Режим допустимости соглашений, в свою очередь, лишён возможности предварительной оценки. Пункт 5 раздела II Протокола №19 прямо называет соглашение о совместной деятельности в числе тех, которые могут быть признаны допустимыми при доказанности проконкурентных эффектов. Однако этот механизм является сугубо индивидуальным и носит ретроспективный характер: он используется уже в ходе антимонопольного расследования, а бремя доказывания целиком лежит на участниках рынка. Полномочия ЕЭК, перечисленные в п.10 Протокола №19,

не включают ни выдачи предварительных разрешений, ни принятия актов об изъятиях для отдельных категорий соглашений. Конкурентное право ЕАЭС в целом не содержит норм о «блоковых изъятиях» или руководящих указаний по допустимому экономическому поведению [7, с. 199]. Таким образом, даже проконкурентное СП не имеет нормативной защиты, до момента возможной оценки ex post оно формально находится в правовой неопределенности.

Наиболее показательным судебным делом, иллюстрирующим важность наличия квалификационных критериев в праве ЕАЭС служит дело «Дельрус» [21]. Коллегия ЕЭК решением от 17 сентября 2019 года №165 квалифицировала согласованные действия российской и казахстанской структур (ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК») как нарушение пп. 3 п. 3 ст. 76 Договора о ЕАЭС. Речь шла о картельном соглашении о разделе рынка услуг по калибровке медицинских датчиков. 11 февраля 2020 года Коллегия Суда ЕАЭС своим решением признала решение №165 соответствующим Договору о ЕАЭС. Однако 6 ноября 2020 года Апелляционная палата Суда ЕАЭС отменила предыдущее решение Суда и удовлетворила требования заявителей, так как пришла к выводу о преждевременности квалификации нарушения по пп. 3 п. 3 ст. 76 Договора о ЕАЭС. По мнению Суда, ЕЭК не установила в достаточной мере, являлись ли стороны конкурентами, действовавшими самостоятельно, либо элементами единого хозяйствующего субъекта. Иными словами, ЕЭК перешла к квалификации поведения, не разрешив предшествующий квалификационный вопрос о природе самих субъектов. И хотя предметом разбирательства была не квалификация корпоративных СП (так как речь шла об аффилированных структурах, а не о совместно учрежденном юридическом лице), дело показательно в более широком смысле, так как оно демонстрирует, что правоприменитель сталкивается с квалификационными вопросами, которые предшествуют содержательной антимонопольной оценке и от правильного ответа на которые в принципе зависит применяемый к этой оценке режим.

Проведенный анализ позволяет сформулировать три взаимосвязанных предложения. Принципиально важно, что ни одно из этих предложений не требует пересмотра базовой модели распределения компетенций между Союзом и государствами-членами. Все три предложения реализуемы через внесение изменений в Протокол №19 и, применительно ко второму предложению, через дополнение ст. 76 Договора о ЕАЭС. Первое предложение – введение критерия и признаков «полнофункциональности» или его близкого аналога в Протокол №19. Так, Протокол №19 следует дополнить нормой, устанавливающей, что корпоративное СП квалифицируется как экономическая концентрация, если оно на постоянной основе выполняет все функции хозяйствующего субъекта («полнофункциональное СП»). Если СП этому требованию не отвечает, тогда оно подлежит оценке в рамках режима допустимости соглашений раздела II Протокола №19. При разработке конкретных признаков «полнофункциональности» целесообразно адаптировать стандарты, указанные в Уведомлении 2008 г. Введение критерия и его признаков позволит участникам рынка заблаговременно определять применимый режим и устранит стимулы к искусственному структурированию сделок.

Второе предложение – наделение ЕЭК полномочиями по принятию актов об изъятиях для отдельных категорий соглашений для «неполнофункциональных» СП. Если СП не является «полнофункциональным», оно оценивается на предмет допустимости соглашения в рамках раздела II Протокола №19. Однако этот режим в нынешнем виде лишен механизмов, позволяющих обеспечить участникам рынка правовую определенность до заключения сделки. В п. 10 Протокола №19 следует закрепить право ЕЭК принимать решения, устанавливающие изъятия из запретов, предусмотренных ст. 76 Договора о ЕАЭС, для отдельных категорий соглашений о совместной деятельности. В первую очередь, для СП в сфере НИОКР, промышленной кооперации и технологического партнерства – по аналогии с «блоковыми изъятиями» в праве ЕС. Это создаст правовую защиту для проконкурентных форм кооперации и снизит регуляторную нагрузку на хозяйствующие субъекты. Для введения этого механизма также потребуется дополнить ст. 76 Договора о ЕАЭС прямым указанием на возможность принятия ЕЭК актов об изъятиях.

Третье предложение – введение уведомительного механизма при национальном контроле за созданием «полнофункциональных» СП. Контроль за концентрацией может и, вероятно, должен сохраняться в компетенции государств-членов ЕАЭС, так как это соответствует архитектуре Союза. Вместе с тем создание «полнофункционального» СП с участием субъектов из разных государств-членов оказывает влияние на трансграничный рынок, тогда как действующий протокол №19 не предусматривает какого-либо информационного взаимодействия между национальными органами при рассмотрении таких сделок. Раздел V Протокола №19 следует дополнить обязанностью

всякого национального антимонопольного органа государства-члена, получившего уведомление о создании СП, уведомлять об этом ЕЭК и антимонопольные органы других государств-членов. Это не затрагивает исключительную компетенцию национальных органов по существу решения, но устраняет риск асинхронных и противоречащих друг другу решений по одной и той же сделке в разных юрисдикциях.

Подводя итог, можно сделать вывод, что квалификационная неопределенность в антимонопольном праве ЕАЭС применительно к корпоративным совместным предприятиям является не техническим дефектом отдельных норм, а структурной проблемой всей системы регулирования. Отсутствие нормативного критерия, разграничивающего СП как экономическую концентрацию и как соглашение о совместной деятельности, приводит к тому, что оба режима функционально ограничены. Практика Суда ЕАЭС показывает, к каким последствиям приводит такая неопределённость в разбирательствах, даже не связанных с СП напрямую.

Опыт развития конкурентного права ЕС демонстрирует, что решение этой проблемы достижимо в рамках существующей логики построения такого интеграционного объединения, как Евразийский экономический союз. Критерий «полнофункциональности», введенный в Регламентах Еврокомиссии, стал единым квалификационным инструментом для совместных предприятий и устранил правовую неопределенность как при оценке СП органами ЕС, так и при планировании и заключении сделки по созданию СП участниками европейского рынка. Адаптация такого подхода в правовой системе ЕАЭС представляется реалистичным и обоснованным шагом. Реализация сформулированных предложений (введение критерия «полнофункциональности», наделение ЕЭК правом принятия актов об изъятиях для определенных категорий соглашений и создание механизма координации при национальном контроле за экономической концентрацией) позволила бы существенно повысить предсказуемость правового регулирования, снизить нагрузку на участников рынка, а также усилить защиту конкуренции при одновременном сохранении благоприятных условий для трансграничной промышленной кооперации и инвестиций в рамках целей углубления евразийской экономической интеграции.

Список литературы:

[1] Петров Д. А., Попондопуло В. Ф. Конкурентное право : учебник для вузов / под общ. ред. В. Ф. Попондопуло. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 292 с.

[2] Михалёва Т.Н. Право Евразийского экономического союза : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2022. 191 с.

[3] Додонов В. Ю. Основные тенденции функционирования предприятий с участием капитала из стран ЕАЭС в Казахстане // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 2. С. 129–139.

[4] Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Суд ЕАЭС о защите конкуренции. Соотношение национального и наднационального права // Конкуренция и право. 2017. № 4. С. 63–71.

[5] Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права конкуренции Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 177–204.

[6] Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 2(24). С. 243–248.

[7] ОЭСР. Экспертные оценки ОЭСР по законодательству и политике в области конкуренции: Евразийский экономический союз. Париж : ОЭСР, 2021. 251 с.

[8] Levy N. EU Merger Control: A Brief History. Brussels : Cleary, Gottlieb, Steen & Hamilton, 2004. 30 с.

[9] Battram S.P. Joint Venturing and Investment: Canada s Pers pective as a Host Country // International Joint Ventures: A Practical Approach to Working with Foreign Investors in the United States and Abroad. A Case Study with Sample Doc-uments / Ed. by D. N. Goldsweig and R. H. Cummings. Chicago, 1990.

[10] Краткая версия доклада о ходе реализации стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции (по итогам 2024 года) // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/impact_of_integration/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B0%202024-6.3.7.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

[11] Первые итоги реализации механизма финансового содействия промкооперации показали его востребованность // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/goar-barsegyan-pervye-itogi-realizatsii-mekhanizma-finansovogo-sodeystviya-promkooperatsii-pokazali-/ (дата обращения: 05.03.2026).

[12] Регламент Совета ЕЭС № 4064/89 от 21 декабря 1989 г. о контроле за концентрациями между хозяйствующими субъектами // OJ L 395. 30.12.1989. P. 1–12.

[13] Уведомление Комиссии ЕЭС 94/C 385/01 о разграничении концентративных и кооперативных совместных предприятий // OJ C 385. 31.12.1994. P. 1–7.

[14] Консолидированная версия Договора о функционировании Европейского союза // OJ C 202. 07.06.2016. P. 1–388.

[15] Регламент Совета ЕС № 139/2004 от 20 января 2004 г. о контроле за концентрациями между хозяйствующими субъектами // OJ L 24. 29.01.2004. P. 1–22.

[16] Консолидированное уведомление Комиссии ЕС 2008/C 95/01 о юрисдикционных вопросах при контроле за концентрацией // OJ C 95. 16.04.2008. P. 1–48.

[17] Решение Суда ЕС от 7 сентября 2017 г. по делу C-248/16 Austria Asphalt GmbH & Co OG против Bundeskartellanwalt // ECLI:EU:C:2017:643. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62016CJ0248 (дата обращения: 05.03.2026).

[18] Регламент Комиссии ЕС № 2023/1066 от 1 июня 2023 г. о применении ст. 101(3) ДФЕС к категориям соглашений об исследованиях и разработках // OJ L 143. 02.06.2023. P. 9–19. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1066/oj/eng и Регламент Комиссии ЕС № 2023/1067 от 1 июня 2023 г. о применении ст. 101(3) ДФЕС к категориям соглашений о специализации // OJ L 143. 02.06.2023. P. 20–26.

[19] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2012 об утверждении критериев отнесения рынка к трансграничному // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/0b1/0b106265f7643fd273c0f4bd4dd66f69.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

[20] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 17 декабря 2018 г. № СЕ-2-2/6-18-БК по запросу Евразийской экономической комиссии о разъяснении пп. 4 и 6 ст. 76 Договора о ЕАЭС и Критериев отнесения рынка к трансграничному // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/270/Konsultativnoe-zaklyuchenie-Suda-EAES-ot-17.12.2018.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

[21] Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 г. по делу ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/a42/Решение_Дельрус_06.11.2020.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

References:

[1] Petrov D. A., Popondopulo V. F. Competition Law: a textbook for universities / edited by V. F. Popondopulo. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2024. 292 p.

[2] Mikhaleva T. N. Law of the Eurasian Economic Union: a textbook-method manual. Minsk: BSU, 2022. 191 p.

[3] Dodonov V. Yu. Main trends in the functioning of enterprises with the participation of capital from the EAEU countries in Kazakhstan // Social Innovations and Social Sciences. 2022. No. 2. pp. 129–139.

[4] Dyachenko E. B., Entin K. V. The EAEU Court on the Protection of Competition. The Correlation of National and Supranational Law // Competition and Law. 2017. No. 4. Pp. 63–71.

[5] Dyachenko E. B., Entin K. V. The Role of Advisory Opinions of the EAEU Court in the Development of Competition Law of the Eurasian Economic Union // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 4. Pp. 177–204.

[6] Neshataeva T. N. Integration and Supranationalism // Bulletin of Perm University. Series: Legal Sciences. 2014. Issue 2(24). Pp. 243–248.

[7] OECD. OECD Expert Assessments on Competition Law and Policy: Eurasian Economic Union. Paris: OECD, 2021. 251 p.

[8] Levy N. EU Merger Control: A Brief History. Brussels: Cleary, Gottlieb, Steen & Hamilton, 2004. 30 p.

[9] Battram S.P. Joint Venturing and Investment: Canada's Perspective as a Host Country // International Joint Ventures: A Practical Approach to Working with Foreign Investors in the United States and Abroad. A Case Study with Sample Documents / Ed. by D. N. Goldsweig and R. H. Cummings. Chicago, 1990.

[10] Brief version of the report on the progress of implementing strategic directions for the development of Eurasian economic integration (based on the results of 2024) // EEC. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/impact_of_integration/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B0%202024-6.3.7.pdf (accessed: 05.03.2026).

[11] The first results of the implementation of the mechanism of financial assistance to industrial cooperation have shown its relevance // EEC. URL: https://eec.eaeunion.org/news/goar-barsegyan-pervye-itogi-realizatsii-mekhanizma-finansovogo-sodeystviya-promkooperatsii-pokazali-/ (date accessed: 05.03.2026).

[12] Council Regulation (EEC) No. 4064/89 of 21 December 1989 on the control of concentrations between economic entities // OJ L 395. 30.12.1989. P. 1–12.

[13] Commission Notification (EEC) 94/C 385/01 on the distinction between concentration and cooperative joint undertakings // OJ C 385. 31.12.1994. P. 1–7.

[14] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ C 202. 07.06.2016. P. 1–388.

[15] Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings // OJ L 24. 29.01.2004. P. 1–22.

[16] Consolidated Commission Notice 2008/C 95/01 on jurisdictional issues in concentration control // OJ C 95. 16.04.2008. P. 1–48.

[17] Judgment of the Court of Justice of the EU of 7 September 2017 in case C-248/16 Austria Asphalt GmbH & Co OG v. Bundeskartellanwalt // ECLI:EU:C:2017:643. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62016CJ0248 (accessed: 05.03.2026).

[18] Commission Regulation (EU) No 2023/1066 of 1 June 2023 applying Article 101(3) TFEU to categories of research and development agreements // OJ L 143. 02.06.2023. P. 9–19. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1066/oj/eng and Commission Regulation (EU) No. 2023/1067 of 1 June 2023 applying Article 101(3) TFEU to categories of specialisation agreements // OJ L 143. 02.06.2023. P. 20–26.

[19] Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 19.12.2012 on approving the criteria for classifying a market as cross-border // EEC. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/0b1/0b106265f7643fd273c0f4bd4dd66f69.pdf (accessed: 05.03.2026).

[20] Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union of 17 December 2018 No. CE-2-2/6-18-BK on the request of the Eurasian Economic Commission for clarification of paragraphs 4 and 6 of Article 76 of the Treaty on the EAEU and the Criteria for classifying a market as cross-border // Official website of the Court of the EAEU. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/270/Konsultativnoe-zaklyuchenie-Suda-EAES-ot-17.12.2018.pdf (date accessed: 05.03.2026).

[21] Decision of the Appeals Chamber of the Court of the Eurasian Economic Union of 6 November 2020 in the case of Delrus CJSC and Delrus RK LLP // Official website of the Court of the EAEU. URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/a42/Решение_Дельрус_06.11.2020.pdf (accessed: 05.03.2026).

